

Леонов А.С.¹ Пределы государственного суверенитета в контексте практики Европейского суда по правам человека.

«Если меня возведёт на престол Священной Римской Империи Папа, то буду ли я превыше всех остальных суверенов, а если это сделает народ Великого Рима, то можно ли будет считать Империю Священной?»

Фридрих Великий

Одним из самых дискуссионных и деликатных вопросов оставался и будет оставаться государственный суверенитет. Ключевой проблемой является вопрос о его делимости и пределах. Начиная с работ Жана Бодэна, положивших начало научному исследованию понятия суверенитета государства, его концепция претерпевала всевозможные пересмотры в духе той или иной эпохи. Генезис концепции государственного суверенитета происходил, в частности, под влиянием революций конца XVIII века в Америке и во Франции, поставивших во главу угла права и свободы человека. Вторая половина XX столетия внесла свои коррективы с приходом глобализации, права человека получили универсальное закрепление, а их соблюдение стало обязанностью государства в силу международных договоров. Одним из таких договоров является Европейская конвенция по правам человека, в связи с реализацией которой у государств возникают подчас неразрешимые ситуации, сопряженные с вмешательством в их суверенные права.

До каких разумных и оправданных пределов и в каких сферах государство может позволять вторгаться в свое а priori исключительное право создавать законы, контролировать их исполнение, регулировать правовые стандарты с учетом своей национальной идентичности? Ответ на этот вопрос не может быть категоричным, а напротив, должен даваться с учетом и в рамках конкретного исторического контекста, в особенности, когда это касается столь деликатной темы как права и свободы личности.

¹ Леонов Андрей Сергеевич, ст. преподаватель кафедры европейского и международного права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Эта вполне заслуживающая внимание теоретиков проблема имеет реальное проявление во взаимоотношениях Европейского суда по правам человека с государствами-участниками Европейской конвенции по правам человека. Часто цитируемые постановления Палаты и Большой Палаты Суда по делу Маркина против РФ отнюдь не являются единичным примером несовершенства системы взаимоотношений Суда и государства. Проявление разногласий можно наблюдать также в постановлениях, вынесенных в отношении РФ по делам «Республиканская партия России против РФ» от 12.04.11 (жалоба № 12976/07), «Кимля и другие против РФ» от 1.10.09 (жалобы № 76836/01 и 32782/03), «Нефтяная компания ЮКОС против РФ» от 20.09.11 (жалобе №14902/04). Причем проблема разногласий в позициях высших судов государства и Страсбургского суда касается не только России, но и ряда других участников Европейской конвенции (Германии, Франции, Черногории и др.).

Дело Маркина, в котором речь шла о предоставлении трехлетнего отпуска по уходу за ребенком военнослужащему-мужчине, спровоцировало острую дискуссию, связанную с пределами вмешательства международного органа во внутреннюю сферу государства. Европейский суд дважды выразил несогласие с позицией Конституционного Суда РФ, указав при этом на необходимость внесения поправок в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» №76-ФЗ от 27.05.98, в отношении которого Конституционный суд не нашел нарушений Конституции РФ.

Статус Европейской конвенции и юрисдикция Европейского суда в отношении РФ, а также природа его решений определяются достаточно стройной системой норм Конституции РФ (ч.4 ст.15, п. «г», ч.1 ст. 125), Европейской Конвенции (ч.1 ст. 46), федерального законодательства (ст.1 ФЗ № 54 от 30.03.1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»), решений высших судов (п.11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. №5-П). Подписание и ратификация Конвенции означает, что окончательные решения

Суда по делам о предполагаемых нарушениях РФ своих обязательств по Конвенции являются обязательными *ipso facto* «для всех органов государственной власти РФ, в том числе и для судов». На фоне этой картины мы наблюдаем зарождение позиции, которую без искажений можно сформулировать таким образом, что существуют пределы уступчивости (в частности, в адрес Европейского суда) и что не все решения Страсбурга одинаково полезны, а значит, подлежат исполнению. Постановление ЕСПЧ по делу Маркина было передано в Большую Палату, которая 22 марта 2012 года вынесла окончательное постановление, в целом подтвердив позицию Палаты 16 голосами против одного, согласно которой в деле имело место нарушение запрета дискриминации в отношении права на частную жизнь (ст. 14 и ст. 8 Европейской конвенции). Представляется очевидным, что изначально проблема заключалась в жесткой критике со стороны Европейского суда решения Конституционного суда РФ по этому делу. В ней содержались ссылки на отсутствие серьезного исследования того, сколько вообще в России военных-мужчин являются единственными родителями или опекунами детей в возрасте до трех лет, а также на отсутствие в российской правоприменительной практике какого-либо изучения индивидуальных обстоятельств каждого военного, что приводит в автоматическому отказу в отпуске по уходу за ребенком. Чуть менее «резкое» постановление Большой Палаты, уже не содержащее прямой критики позиции Конституционного суда РФ, в сущности, является идентичным первому. Не выходя за пределы своей компетенции, Суд указал в нем на неоспоримые базовые ценности, защищаемые Конвенцией, подчеркнув, что «она (Конвенция) не останавливается у ворот армейских казарм» и что статус военнослужащего не означает утрату какой-либо части личных прав, в том числе права на защиту от дискриминации, тем более, что отказ от этого права в принципе не возможен, если речь идет о расовой или гендерной дискриминации.

Таким образом, данное дело демонстрирует проблему, которая заключается в том, что существует разногласие между двумя судебными

органами, призванными по своей природе устанавливать правовые стандарты «в последней инстанции»: Конституционного суда РФ и Европейского суда. В подавляющем большинстве случаев конкуренции между ними не существует, поскольку оба суда стремятся адекватно реагировать на правовые позиции друг друга. Однако при возникновении конфликта мнений, оказывается практически невозможным его решение с помощью формальных правовых инструментов. Ст. 17 Конституции не решает вопроса о том, что является высшим ориентиром в области прав человека: сама Конституция или общепризнанные принципы и нормы международного права. В своих постановлениях Конституционный Суд со ссылками на прецеденты Европейского суда неоднократно подчеркивал общую природу их правового статуса. Представляется справедливым, что ни тот ни другой суд не может контролировать или отменять решения другого. При этом решение Конституционного суда, вынесенное в соответствии с Конституцией, но противоречащее духу Конвенции в том виде, в каком ее толкует Европейский суд с учетом национальных особенностей государства-ответчика в конкретном деле, могут быть преодолены постановлением Европейского суда, что подвигнет Конституционный суд внимательно следить за своей практикой с тем, чтобы ее не компрометировал Страсбургский суд. И наоборот, неограниченные по существу возможности последнего должны компенсироваться возможностями Конституционного суда. Это позволит гармонизировать практику обоих судов.

Обеспечение достоинства человека, лежащего в основе любого личного права, находится вне рамок суверенитета государства до тех пор, пока речь идет исключительно о правах человека. Однако если позиция надгосударственного органа, не застрахованного от необоснованных перегибов, ущемляет национальный интерес государства, находящийся в области его суверенитета, не учитывает его национальной идентичности, частью которой является и внутригосударственная правовая система, приоритет должен смещаться в пользу Конституции и позиций

Конституционного суда. Именно этот критерий и должен лежать в основе баланса правовых позиций Конституционного суда и Европейского суда по правам человека и определять пределы суверенитета государства в вопросах соблюдения и защиты прав человека.